

Красников Виктор Викторович

ПАРТИЙНЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ (1920-1921 ГГ.)

В статье даётся анализ состояния партийных и государственных органов власти Тамбовской губернии в начале 1920-х гг., рассматриваются мероприятия партийного руководства по восстановлению партийно-советской системы власти после гражданской войны и "антоновщины". Выделяется проблема отсутствия опытных руководящих партийных и советских работников, а зачастую и кадрового голода на местах. Также рассматривается проблема качественного состава местных органов партийной и государственной власти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/8/34.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (75). С. 101-102. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 93/94.908

Исторические науки и археология

В статье даётся анализ состояния партийных и государственных органов власти Тамбовской губернии в начале 1920-х гг., рассматриваются мероприятия партийного руководства по восстановлению партийно-советской системы власти после гражданской войны и «антоновщины». Выделяется проблема отсутствия опытных руководящих партийных и советских работников, а зачастую и кадрового голода на местах. Также рассматривается проблема качественного состава местных органов партийной и государственной власти.

Ключевые слова и фразы: «военный коммунизм»; волком; губком; кадры; коммунисты; номенклатура; ответработники; партия; переброски; РКП(б); ревком; реорганизация; уком; чистка.

Красников Виктор Викторович, к.и.н., к.ю.н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
viktor_krasnikov@list.ru

**ПАРТИЙНЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПРИ ПЕРЕХОДЕ К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ (1920-1921 ГГ.)[©]**

К концу 1920 г. – началу 1921 г. кризис общества принял зримые очертания и мог перейти во всеобщий социальный взрыв. Такие события были связаны с полным крахом политики «военного коммунизма», причем не только в экономической, но и в политической сферах. В этот период состояние органов власти, прежде всего на региональном уровне, вызывало у большевиков наибольшее беспокойство. Они были большей частью полностью дезорганизованы, а в районах, охваченных «антоновщиной», власть практически отсутствовала. Можно констатировать реальную утрату большевиками контроля над большей частью губернии. Поскольку именно партийный аппарат выполнял государственные функции, а основу местной управленческой структуры составляли члены РКП(б), то состояние местных органов власти в начале 1920-х годов можно оценить, анализируя состояние местных партийных организаций. В большинстве из них наблюдалось критическое положение. Органы местной власти испытывали большой кадровый дефицит, вызванный крестьянским восстанием, когда большая часть местных партийных работников либо были убиты, либо попросту разбежались. Имеющиеся же кадры были заполнены случайными или даже уголовными элементами. Некоторые из них шли в партию, а вместе с этим и во власть, намеренно, другие же, вступив в партию по идейным соображениям, за время гражданской войны и восстания привыкли к безнаказанности и вседозволенности, чему способствовала система действовавших чрезвычайных мер в управлении государством. В целом этот слой был массовым, и такими же массовыми были злоупотребления и преступления, исходящие от него. Так, по словам уполномоченного А. М. Большакова, командированного в Шацкий уезд, «в советские учреждения проникли люди с преступным намерением тормозить начатую работу или руководствуясь исключительно корыстной целью» [1, д. 911, л. 19]. И такая ситуация была характерна для губернии в целом.

За годы гражданской войны парторганизация была сильно ослаблена мобилизациями на фронт. Более тысячи коммунистов погибли в боях с антоновцами. «За период с июня 1920 г. по август 1921 г. организация уменьшилась до 7916 человек, или почти в два раза. Более половины ее составляли крестьяне, многие из которых не имели еще большевистской закалки. Опытных руководителей было мало» [3, с. 110]. Проблема отсутствия руководящих кадров особенно коснулась низового аппарата. Так, в постановлении президиума Тамбовского уисполкома от 20 октября 1920 г. говорилось: «...в 41 волости уезда бандитами совершенно разрушен советский аппарат и убито до 250 партийно-советских работников, временами восстанавливаемый советский аппарат вновь разрушается...» [4, с. 279]. В некоторых уездах ситуация не изменилась и через год. Яркий пример – Борисоглебский уисполком: «власти на местах в уезде не было, все честные товарищи, ранее стоявшие у власти, во время бандитизма погибли. Связи с уездом не было, благодаря чему было трудно контролировать деятельность власти на местах. Пользуясь полнейшей оторванностью от уездного Центра, и райревкомы, и волревкомы повсюду злоупотребляли властью в форме конфискации и реквизиции имущества у граждан» [2, д. 398, л. 16]. Во многих уездных органах процветали волокита, дезертирство, саботаж. Так, в Елатомском уезде полномочной комиссии приходилось «проверять всех опаздывающих и не являющихся на службу, даже приходилось производить аресты целыми десятками» [Там же, д. 278, л. 53]. Служащие, замеченные в разгильдяйстве и саботаже, наказывались лишением свободы сроком от двух до пяти суток с исполнением служебных обязанностей, «после чего начинали относиться к службе более добросовестно» [Там же, д. 326, л. 116].

Слабость работы местных органов власти была связана и с еще не сложившейся структурой органов управления. В 1920 году в уездах еще не существовало районных комитетов партии, что значительно ослабляло всю партийную и советскую работу на местах. До создания райкомпартов в губернии действовал институт райорганизаторов, но без соответствующего аппарата они физически не могли организовать работу на местах. Тем

более райорганизаторы являлись только инструкторами, которые должны были направлять деятельность ячеек уезда, а не постоянно руководить ими. Работа же наездами не могла дать желаемых результатов хотя бы потому, что часть ячеек находилась на большом расстоянии от города и туда было трудно добраться.

Другими доказательствами плачевного положения дел на местах в этот период служат сообщения с мест. Большинству местных партийных организаций требовалась коренная реорганизация. Кирсановский укомпарт в октябре 1920 года сообщал: «Никаких отделов при волкомпартах не существует за невозможностью подбора технических работников. Сотрудников во всех организациях, кроме президиума, не имеется. В данное время в распоряжении укома не имеется и райорганизаторов за невозможностью их подбора после неоднократных попыток» [1, д. 633, л. 12]. «Реорганизация персонального состава советских и партийных организаций возможна при условии присылки достаточного числа партийных товарищей минимальным количеством в 60 человек. Прислано же в распоряжение укома только 8. Помимо того, что ежедневно от рук бандитов выбывают все новые и новые партийные товарищи, оставшиеся почти поголовно больны настолько, что это отражается на их работе. Продолжающие работу настолько издергались, притупели и как-то стали безразличны, что требуется большой такт и умение, чтобы добиться от них минимум работы. Нужно сказать, что одни меры репрессий не помогают» – писал в своем докладе в губком и губисполком председатель Борисоглебского уисполкома Пешков в начале 1921 г. [2, д. 269, л. 352].

О разложении местных органов власти свидетельствуют итоги партийной чистки 1921 г. В губернии она началась в августе и закончилась в октябре 1921 г. Из партии в первую очередь должны были исключаться откровенные противники советской власти, а также явные преступники, пьяницы и взяточники. Чистка проводилась по решению X съезда РКП(б) и по мнению руководства Тамбовского губкома являлась «показателем силы партии, а не слабости» [1, д. 996, л. 140]. Хотя в связи с предстоящей кампанией по очистке и многочисленностью состава ответственных работников предполагалось «что многие будут или совсем исключены из партии, или отстранены от ответственной работы, а потому нужда в ответработниках возрастет еще больше» [Там же, л. 144]. Но партийная чистка еще сильнее, чем предполагалось, выявила внутренние проблемы РКП(б). В секретном циркуляре губкома от 22 ноября 1921 г. говорилось: «Чистка партии кроме положительных результатов дала и отрицательные. Установлено, что во многих случаях шкурнические элементы нашей партии использовали чистку для сведения личных счетов, для дискредитирования честных товарищей. Они вселяют недоверие членов организации друг к другу и своим руководящим центрам, парализуя всякую революционную работу» [Там же, л. 16]. В Тамбовской губернии было исключено 235 работников (33,5% от общего числа). С советской работы – 153 (39,2%), с партийной – 32 человека (10,8%) [Там же, д. 1289, л. 7]. Всего же было исключено 2345 человек (29,6% от общего числа коммунистов губернии) [3, с. 117].

Общее положение органов власти в уездах Тамбовской губернии в период 1920-1921 гг. характеризует доклад председателя Борисоглебского уисполкома Пешкова: «Губцентр из-за отсутствия связи в течение продолжительного времени не имел возможности направлять местную организацию по правильному пути, что проявилось в неконтактности как в партийной, так и в советской работе между партийными товарищами. Чистка партии также внесла дезорганизацию, большая часть опытных советских работников из партии были исключены, заменить их сразу было нечем. Выброшенные из партии продолжали и продолжают мстить оставшимся, дезорганизуют ряды последних» [2, д. 398, л. 17].

Подобные доклады с мест не были единичными. Преступления и присутствие в провинциальных партийных организациях лиц их совершавших были не случайностью и отдельными эпизодами. Сложившаяся ситуация была порождением самой системы «военно-бюрократической» диктатуры. Факты преступлений не всегда становились известны губернской власти, так как на местах их часто скрывали. Ситуация на местах становилась угрожающей, местные парторганизации работали плохо, с многочисленными нарушениями, авторитет партии падал. Партийное руководство губернии в июле 1921 г. принимает циркуляр, обязательный для всех укомов РКП(б), «О порядке решения дел по злоупотреблениям должностных лиц – членов РКП(б)». Причиной его принятия послужил «неправильный взгляд во многих уездных организациях, будто дела о злоупотреблениях по должности и недостойном поведении членов партии надо решать только внутривнутрипартийным порядком и при этом в узких партийных коллегиях, не осведомляя по этим делам не только беспартийные рабочие массы, но и партийную организацию» [1, д. 996, л. 99]. Признавая такое положение дел неправильным, губком предписывал к обязательному исполнению укомом и всеми членами организации, чтобы всякое дело о неправильных действиях членов партии предварительно направлялось в уком, все установленные проступки членов партии против партморали или советских порядков заносить в партбилет, а также в обязательном порядке сообщать всем членам организации об установленных проступках и принятых по ним решениях укомов [Там же, л. 100].

Тамбовская губерния в начале 1920-х годов ярко иллюстрировала кризис власти в стране после окончания гражданской войны. Необходимы были новые эффективные меры для его преодоления. Состояние местного партийного и государственного аппарата во многом являлось иллюстрацией к существующему положению в РКП(б) в целом.

Список литературы

1. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1.
3. Очерки истории Тамбовской организации КПСС. Воронеж, 1984.
4. Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны. 1918-1921 гг.: сборник документов и материалов. Воронеж, 1989.